

Виктор МАКАРЕНКО

НАУКА И ВЛАСТЬ: КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

Ориентиры социальной истории науки претерпели изменения в конце XX столетия. Сформировалась микроаналитическая стратегия: рассмотрение науки в социально-культурном контексте, основываясь на вопросе о том, как властные отношения пронизывают ее и к каким последствиям это приводит? Ответ на этот вопрос автор пытается дать сквозь призму анализа фундаментальной работы своих петербургских коллег: «Наука и кризисы.

Историко-сравнительные очерки. – СПб., 2003». В коллективной монографии фактически заложены основы российской микроаналитической стратегии анализа социальной истории науки, которая становится отдельным разделом историографии и источниковедения. Автор обзора обращает особое внимание на то, что работа российских ученых – это рассмотрение генезиса национальной академии наук и систем образования Европы и США.

В последнюю треть XX в. изменились ориентиры социальной истории науки. Макроаналитическая стратегия анализа – квалификация науки как носителя прогресса и цивилизации – не выдержала проверки временем. В 1970-1980-е гг. сформировалась микроаналитическая стратегия – рассмотрение науки в социокультурном контексте на основе вопроса: как властные отношения проникают в науку и к каким последствиям это приводит? Некоторые последствия уже определились: современное научное сообщество раскололось на две группы (одна пытается понять смысл и последствия научной деятельности, вторая избегает острых морально-политических вопросов); современное контрнаучное движение – следствие связи науки с властно-управленческими аппаратами и военно-промышленными комплексами государств; объективистская модель естественно-научного и социального познания обслуживает эти связи и потому подвергается критике; конструктивизм – главный метод микроаналитических исследований науки и общества – разрабатывает весьма интересный концепт: «Социокультурная реальность обладает лишь видимостью объек-

тивности — она квазиобъективна и представляет собой множество уникальных событий и ситуаций, значения которых всегда релятивны, незавершенны, соотносимы с личностными особенностями участников речевой коммуникации, с их фоновыми ожиданиями и неявными притязаниями»¹.

Микроаналитическая стратегия познания науки и общества приобрела большой размах в англоязычных странах. Российская историография пока сводится к экономической и политической истории, истории культуры и социальной истории. Но социальная история пока сводится к описанию истории социальных классов и групп: «Если раньше историки доказывали безусловную поддержку и верность идеалам коммунистической партии со стороны советского народа, то теперь основное внимание направляется на сопротивление, которое оказывали рабочие, крестьяне, интеллигенция коммунистическому режиму и его мероприятиям. В итоге выходит, что режим держался только на насилии и принуждении, т.е. на ГУЛАГе, в то время как важнейший вопрос о социальных основах утверждения и длительного существования коммунистической власти в стране остается нерешенным. Таким образом, многие ученые продолжают оставаться в плену марксистских догматов»². Социальная история науки еще не стала разделом историографии и источниковедения.

Мне приятно констатировать: почти в полной тишине произошло событие. Петербургские ученые заложили фундамент отечественной микроаналитической стратегии анализа социальной истории науки. Они выпустили капитальный коллективный труд «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки». Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003³. Вначале я прочел увесистый 1000-страничный фолиант, объемом почти как Библия и больше первого тома «Капитала» К. Маркса. Потом думал писать рецензию. Но опыт длительного сидения в диссертационных советах подсказывает: это может обидеть коллег, завершивших колоссальный труд. А повседневный опыт последнего десятилетия еще более удручает: большинство профессуры (по крайней мере, ростовской) прекратило читать специальную литературу. Поэтому займу позицию заурядного компилятора тех положений книги, которые наиболее интересны на пути осознания трех проблем: влияния власти на науку и пронизанности науки властными отношениями; раскола научного сообщества, включая отечественное; необходимости пересмотра марксистских догматов. Одновременно прошу прощения у коллег: даже такая позиция неизбежно ведет к упрощению ряда существенных моментов концепции авторов.

¹ Огурцов А.П. Социальная история науки: две стратегии исследований // *Философия, наука, цивилизация*. М., 1999, с. 82

² *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика* / Под ред. А.К. Соколова. — М., РОССПЭН, 2004. — с. 675

³ В дальнейшем, если это специально не оговорено, ссылки даются на страницу указанного издания.

Главные посылки и объекты полемики. Коллеги из Санкт-Петербургского Института истории естествознания и техники РАН рассматривают социальную историю науки как частный случай социально-политических кризисов. Общий кризис есть следствие природных катаклизмов, длительного спада экономики, войны. Для его разрешения мобилизуются все ресурсы, в том числе наука. Политический кризис – это смена государственного и экономического строя в ходе революций, гражданских войн, реформ, и создание «идеологически корректной науки» для обслуживания нового строя. Такой подход позволяет описать механизмы преобразования отношений науки и власти, мотивы поведения отдельных ученых и научного сообщества в целом. Авторы предлагают отбросить полемику *экстерналистов с интерналистами*. И приводят для этого весомые аргументы.

Формирование современной науки и государств переплетены. Государство использует науку для развития экономики, военной мощи, идеологического оправдания политики, международного престижа. Наука и образование обслуживают государственную машину и производят бюрократию. Но эта схема взаимодействия рухнет в условиях общих и политических кризисов, в тисках которых «...резко возрастает неопределенность положения науки в обществе и социального статуса ученого» (с. 6). Отсюда вытекает кардинальная проблема: полезна или вредна наука в условиях глобальных кризисов во все периоды истории? Современная Россия и другие страны Восточной Европы переживают кризис в отношениях власти, науки и общества. Авторы используют эту ситуацию для анализа соотношения науки и кризисов в истории Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Австрии, США, Японии, Китая и России/СССР. Привлекают громадный исторический, историко-научный, социологический, политологический материал, а также методологические концепции. Широко используют богатейшую мемуаристику, дневники, хроники, другие частные и официальные документы. В целом книга посвящена описанию генезиса национальных академий наук (далее АН) и систем образования. Главная задача книги – концептуальная обработка материала для историко-компаративного обоснования научной политики. С точки зрения охвата, содержания, проблематики и выводов для дальнейших дискуссий эта работа не имеет равных в отечественной литературе на протяжении последних 30 лет. Поэтому сделаю первую оговорку: заманчиво сопоставить этот труд с новейшими тенденциями микроаналитической социологии науки, которые наметились на рубеже XX-XXI вв. Но тогда пришлось бы вступать в преждевременную дискуссию с братьями по цеху. Пока целесообразнее окопная перестрелка с учеными, которые обходят проблемы морально-политического характера. Питерские коллеги создали плацдарм для атаки. Попытаюсь предельно кратко концептуализировать взятую территорию.

В историко-научной литературе господствуют два стереотипа: рождение

науки Нового времени изображается как потемкинская картина победного шествия из мрака схоластики к свету естествознания; отечественная историографическая традиция предпочитает во всех монографиях «...толще инструкции по эксплуатации холодильника охватывать совершенно немислимы по длине хронологические периоды, а при оценке деятельности отдельных лиц и организаций использовать по преимуществу глаголы несовершенного вида» (с. 226). Вся книга опровергает эти стереотипы. Авторы детально описывают кризисы в истории указанных стран и их влияние на науку. Реконструируют общие алгоритмы отношений науки и власти, игнорирование которых рано или поздно завершается политическим крахом. Монография может служить прекрасной основой для будущего учебника по социальной истории науки. Наличные учебники как раз реализуют упомянутые шаблоны.

Нередко ученые инициировали преобразования, которые заканчивались кризисом. При поиске новых отношений власть и наука старались максимально выгодно для себя использовать неопределенность ситуации. Власть руководствуется сиюминутными (утилитарными, военными, социально-экономическими, политико-идеологическими) соображениями. Ученые мягко вымогают у власти деньги на гипотетически полезные проекты. В тоталитарных режимах госбюджет – единственный источник финансирования науки. Ради выживания ученые конкурируют между собой за покровительство власти. Идут на этические и политические компромиссы, другие сделки с совестью. Говорят с властью на понятном для нее языке, демонстрируя преданность «идеологически корректной науке». Научное сообщество готово принять любую идеологическую риторику. Служить власти взамен финансово-материальных ресурсов и невмешательства в науку. Одновременно ученые в своей научной практике следуют стандартам мировой науки: «Даже наиболее идеологизированные области естествознания (например, эволюционная теория) развивались одинаково при различных социально-политических и идеологических режимах. В свою очередь, самые жестокие режимы терпели идеологическое инакомыслие и шли на уступки тем ученым, которых считали полезными для себя» (с.9).

Не менее важен раскол интеллигенции: один ее полюс олицетворяет власть, другой противостоит власти. Научная интеллигенция претендует на выработку рациональных форм общества и участие в управлении государством. А в кризисные периоды пытается решать противоположные задачи: усилить профессиональную независимость; получить финансово-материальную поддержку; обеспечить приток в науку талантливой молодежи. Власть взамен требует практических результатов и идейно-политической поддержки.

Эти послышки развиваются на протяжении всего труда. Он состоит из четырех частей: институционализация науки и кризисы Нового времени; наука между коммунизмом, фашизмом и национализмом; Вторая мировая война и наука; холодная война и наука. Эти вопросы рассматриваются на основе проблемно-хронологического принципа с привлечением материала

социальной истории науки множества стран. Теперь сделаю следующую оговорку: я рассмотрю некоторые ключевые положения первой части. Она занимает треть книги и содержит выводы, которые дают возможность уточнить повестку дня будущей дискуссии. Дело в том, что в Англии, Франции и России до 1917 г. выработаны модели отношений власти и науки, используемые до сих пор в различных странах мира.

Институционализация науки переплетена с экономической, научной и общественной жизнью, политической системой, культурно-историческими условиями указанных стран. Она началась в условиях глобального кризиса в эпоху Реформации и Контрреформации. Шли бесконечные религиозные войны, усиливалась инквизиция и церковная цензура. Происходили первые буржуазные революции, укреплялся абсолютизм.

На этом фоне формировались *различия* средневековой и современной науки. Новая наука противопоставила свойствам средневековой науки (авторитет учителя-мудреца — комментатора античных авторов и отцов церкви; умозрительные выводы схоластики; латынь как язык науки) авторитет коллектива равных, экспериментально-дедуктивный метод познания природы и национальные научные языки. Но укрепление национальных государств заставляло ученых искать покровителей. Надо было объяснять власти значение науки для развития экономики и военного могущества. Возникла потребность объединения ученых. Эту функцию взяли на себя первые академии и научные журналы. Они выдвигали общечеловеческую цель развития науки и одновременного служения благосостоянию и могуществу государств. Конфликт данных целей определил институционализацию науки и сценарии кризисов в отношениях науки, власти и общества.

Англия: от science к империи и добровольной милитаризации. Лондонское Royal Society создано 28 ноября 1660 г. в виде Коллегии для развития физико-математического экспериментального знания. Общество не было связано с правительством и сторонилось политической борьбы. Но современники прохладно относились к заявлениям о государственной важности науки. Наоборот, Церковь и Медицинская коллегия обвиняли членов Общества в подрыве религии, дурном влиянии на молодежь, *взвешивании воздуха, измерении ветра*. Квалифицировали научные дискуссии как *борьбу сторонников разбивать яйца с острого или тупого конца*. Критика церковной веры и скептицизм сосуществовали с верой в алхимию, астрологию, чудеса, каббалу, дьявола. Отношение к науке было неоднородным. Одни хотели сохранить прежние формы науки, другие вообще отрицали ее ценность.

И.С. Дмитриев блестяще описал влияние натурфилософии на генезис science как следствие посткризисного социума. В период Реставрации ключевым фактором социальной жизни оставалась религия. И все боялись всех: религиозные радикалы — контрреформации, консерваторы — пуританских активистов, Royal Society — новой смуты. Мировоззренческие, социальные и политические способы обоснования научного познания

возникали в обстановке всеобщего страха.

Важную роль сыграла связь *теологии и философии*. Royal Society балансировало между атеизмом и религиозным сектантством. Идейным фоном и законодателем науки оставалась теология. Переплетение теологического и натурфилософского дискурса позволило наладить отношения с клиром и миром. Те и другие считали религию ядром социального порядка: «Интеллектуальная революция развивалась по схеме революций социальных — ее задумывали гении, институционализировали... фанатики, а плодами пользовались... совсем другие люди, в обществе которых обсуждать вопросы герметического или не вполне традиционного теологического характера было уже неуместно... Деятельность членов Королевского общества прекрасно вписывалась в каноны западной цивилизации — составление нормативных идей по определенным правилам, сущностное равенство участников социального взаимодействия и «потусторонний», сверхприродный фактор как импульс развития» (с. 38).

Интеллектуальная ситуация при становлении science была обусловлена: религиозно-теологической ситуацией, влиянием английской юридической традиции на социализацию натурфилософии, протестантским отношением к чудесам, английским менталитетом. Эти факторы повлияли на *поиск среднего пути* между атеизмом и религией.

По этому вопросу существует три гипотезы Р. Мертона⁴. И.С. Дмитриев на основе анализа громадного материала отвергает концепцию Мертона, поскольку: пуритане представляли весь религиозно-политический спектр, в котором были сторонники церкви и секты; левые пуритане увлекались математикой, натуральной историей, алхимией, астрологией, оккультизмом и мистикой как способами овладения природой; большинство ученых не имели определенной позиции по отношению к линии раздела пуритан и католиков.

Кроме того, после смерти О. Кромвеля 3 сентября 1658 г. возникла острая политическая проблема: как поставить под контроль распоясавшиеся армию и парламент, которые стимулировали экономический кризис, анархию и череду переворотов? Для решения проблемы *политическая нация* (меньшинство, имеющее избирательное право) реставрировала монархию.

Наконец, англиканство выработало технологию религиозно-политического компромисса — принцип доктринального минимализма и средний курс между Римом и Женевой: «Религиозные споры — это не путь к Божественной истине, но наклонная плоскость, ведущая к опасному обострению разномыслия» (с. 52). Англикане предпочитали изучать (а не искоренять)

⁴ Согласно Мертону, общие свойства пуританизма и науки состоят в следующем: антиавторитаризм, антидогматизм, оптимизм в отношении человеческих возможностей, рациональный эмпиризм, активно-эмпирический и утилитарный образ науки как легитимной культурной деятельности; экспериментальный метод и наука — есть следствие практических потребностей под влиянием международной торговли и навигационных проблем; появление науки характерно только для обществ определенного типа, которые создают культурные и материальные условия для нее.

взгляды религиозных диссентеров ради общественного согласия.

Концепт *научной истины* возник в среде ученых пуганых ворон на основе указанных посылок. Знание в эпоху Реставрации считалось источником идеологической опасности. Предполагалось, что истинное и социально безвредное знание может быть получено только в ходе коллективной деятельности. Она подчинена строгим нормам, гарантирующим мир в научном сообществе. Поэтому из деятельности Общества устранялись любые интересы, кроме интереса к получению реального знания о природе.

В противовес религиозным фанатикам английские натурфилософы ввели понятие *моральной достоверности*. Оно констатировало исключительно вероятностное, но не достоверное знание о физическом мире: «Все доступные доказательства говорят в пользу одного и того же вывода, что рационалистическая методология предписывает обязательное принятие этого вывода как истинного <...> моральное доказательство достигается лишь тогда, когда отсутствуют причины сомневаться в правильности доказываемого утверждения <...> А это означает, что эпистемологический идеал исследовательской деятельности должен быть дополнен <...> институциональным <...> идеалом коллективного (совместного) экспериментального изучения Природы при соблюдении определенных нормативных требований» (с. 57-58).

Главным требованием было правило: компетентность плюс незаинтересованность. Оно означает: утверждение истинно, если удовлетворяет критерию моральной достоверности; моральная достоверность — это несколько свидетельств авторитетных и компетентных людей; свидетели и судьи должны быть незаинтересованными и квалифицированными людьми в разных сферах деятельности. Только при соблюдении этих условий выносимые на суд общества свидетельства могут претендовать на статус научного факта. Но человек отвергает истину, если она противоречит его интересам. Поэтому личные (материальные, властные и прочие) интересы — козни дьявола.

Членство в Обществе предусматривало компетентность, образование, эрудицию, ученые заслуги, социальный статус. В общество не допускались простолюдины и члены радикальных сект, поскольку они не могут правильно вести диспут и экспериментальную работу. Деятельность Общества сосредоточивалась на постановке опытов, систематизации фактов, обсуждении их истинности и полезности. Для этого была разработана особая процедура — доклад-сообщение о конкретном случае в конкретной ситуации, включая сведения о месте, дате события, имена свидетелей⁵. Математика не считалась достоверной, поскольку ее адепты были религиозными

⁵ Эта процедура работает до сих пор. Например, наш современник — отставной английский моряк — представил в докладе Royal Society систематизированные данные о первом кругосветном плавании китайцев и доказал: Америка открыта не португальцами, а китайцами. См.: Мензис Г. 1421 — год, когда Китай открыл мир. — М., Яуза, Эксмо, 2004.

радикалами.

Натурфилософы-экспериментаторы разработали идеальную модель общества. Она включала следующие свойства: культ полемики и скептицизма; свобода от внутренних конфликтов, поскольку источником знаний служил высший авторитет Природы; обсуждение конкурирующих мнений в строгих границах — гарантия социальной стабильности при одновременном исключении насилия и идеологического принуждения; только свободный человек (в смысле протестантский ученый) считает упорный труд и терпимость к другим мнениям главными ценностями земной юдоли; папизм и деспотическая власть рассматривались как абсолютное зло.

Иначе говоря, нормы научного сообщества и прообраз идеального общества отождествлялись. Эти свойства противопоставлялись религиозной секте, переносились на *политическую нацию* в целом. А фактически соответствовали религиозно-политическим взглядам богословов-англикан и противостояли всей традиции Т. Гоббса⁶. Главную угрозу установлению такого общества видели в религиозном инакомыслии и фанатизме. Натурфилософы использовали идеи порядка и дисциплины для смягчения социальных и религиозных конфликтов. А власть использовала науку («экспериментальную философию») для отвлечения подданных от религии и политики.

Натурфилософский дискурс мог обслуживать взаимоисключающие позиции. Но любая попытка укрепить одну натурфилософию за счет другой рассматривалась как стремление посеять религиозную и политическую смуту. Поиск среднего пути привел к идеалу *ограниченной терпимости*, умеренного скептицизма, доктринального минимализма, антидогматизма и умиротворения. Натурфилософия Royal Society отвергала абсолютный авторитет Аристотеля и Декарта, а теология — авторитет Папы Римского. Англиканство устраивало большинство политиков и натурфилософов, поскольку было теологическим методом, а не оригинальной доктриной. Но других средств (кроме насилия) достижения истины и урегулирования конфликтов не было.

Всеобщая подозрительность. После Реформации скептицизм стал универсальным умонастроением. Этому способствовала протестантская концепция: действительные чудеса закончились после 500 г. н.э.; современные чудеса есть дело Антихриста — римской церкви во главе с папой. Но четких критериев разделения истины и лжи не было. Взамен протестанты культивировали *подозрение* ко всему внешнему — ритуалам католицизма и театру. Внешнее — значит неподлинное. А эпоха религиозных войн показала: обман влечет за собой серьезные культурно-религиозные последствия. Поэтому истина есть главная социальная ценность.

⁶ Т. Гоббс скептически относился к идее *республики ученых*. Делал акцент на властолюбие, своекорыстие и эгоизм, а не на божественные установления, провидение и мораль как двигатели прогресса. Но полемика Гоббса с Бойлем показала: оба признавали глубокую связь между мировоззренческим согласием и социальным порядком.

Эта установка воплотила тягу образованных слоев города к социальному, психологическому и культурному размежеванию с плебсом. Простолюдин не способен использовать разум для абстрагирования от чувственно воспринимаемых явлений. Попадает в лапы шарлатанов, колдунов, знахарей, священников, торговцев индульгенциями. Для борьбы с ними и понимания естественного хода вещей надо изучать Библию: «Познание тайн Природы представлялось единственным морально достоверным способом избежать обмана и заблуждений относительно сущности тех или иных явлений» (с. 84). Дискуссии о природе чуда требовали определить статус свидетеля и принципы доказательства подлинности чуда. Так теологическая и натурфилософская полемика переплелась с юриспруденцией.

Юридическое самосознание натурфилософского дискурса. Отцы-основатели Royal Society в сочинениях и дискуссиях использовали юридические термины, аналогии и метафоры. Методология, концепция и приемы установления научных фактов заимствованы из юриспруденции и перенесены в экспериментальную науку. С учетом особенностей английского права⁷ большинство юристов отмечали большую достоверность выводов на основе прецедентного права по сравнению с заключениями на основе римского права. В первом случае судьи опирались на исторический опыт и меньше зависели от универсальных норм. При обнаружении пригодности (непригодности) законов долгий опыт предпочтительнее суждений мудрейших людей. Чистый разум склонен к произволу, неопределенности, спекуляции и не опирается на реальные проблемы, связанные с принятием юридических решений. В условиях Англии XVII в. эти посылки привели к постепенному затуханию войны с ведьмами и отмене пыток. Английские суды оправдывали значительное число обвиняемых, объявляя их жертвами истерии, галлюцинации и обмана, поскольку находили естественные объяснения ведовских действий.

Приемы Common Law начали использоваться в научной методологии в виде следующих принципов: при изучении природы одних доводов разума недостаточно; понятие опыта играло главную роль в оправдании экспериментального способа получения знания; естествознание и обществознание опираются на одни принципы поиска истины; в обоих случаях разум и чувства – ненадежные помощники; природные (и социальные) факты надо устанавливать путем свидетельских показаний, оценивать на основе квази-

⁷ Английское право отличается следующими особенностями: архаизм форм; самостоятельность и свобода правовых институтов от влияния римского права; некодифицированность – отсутствие свода действующих законов. Английское Common Law является прецедентным правом. Оно состоит из собрания судебных прецедентов, зафиксированных в хронологическом порядке. Многие юристы выступали за наведение порядка в английском праве для упрощения его изучения, но мало кто настаивал на строгой кодификации. Отсутствие рациональной системы в английском общем праве усиливало роль судейского усмотрения, однако воспринималось как проявление юридической силы, обеспечивая гибкость и адаптацию права к новым условиям.

юридических критериев в терминах возможности, компетентности и доказательности. Эта модель заимствована натуралистами.

Дух империи и добровольная милитаризация науки связаны с социальной психологией англичан – восприятием иностранцев как противников или дикарей. Первых надо победить, вторых – усмирить и цивилизовать (сделать подданными британской короны). При этом свой образ жизни считается эталоном. Всякое отклонение означает сдвиг от цивилизации к варварству. Члены Royal Society тоже были цивилизаторами. При каждом удобном случае представляли свою «тусовку» как интеллектуальный рай для иностранцев. Тут все равны. Уважение к представителям других наций – составная часть кодекса чести джентльмена. А с суконным рылом в Общество не пускают. Его члены установили переписку с известными учеными, научными кружками, академиями и ассоциациями почти всех европейских стран. Путешественники, моряки, врачи, торговцы отовсюду слали в Лондон сообщения. Так преодолелась международная изоляция.

Но декларированный интернационализм базировался на убеждениях: только английские (суть англиканские) ценности способствуют прогрессу науки и философии; ученые других стран совершенствуют язык, а не получают полезные знания; английский язык идеально подходит для выражения научных и философских истин; ученые других стран хотят разведать, что сделано в Англии и Голландии, а не утруждать свои руки и мозги; иностранцы воруют знания. Поэтому члены Общества начали засекречивать сведения, получаемые на еженедельных собраниях.

Сбор информации со всего мира сосредоточивался в столице империи. Лондон считался идеальным местом для развития науки. На английскую ментальность повлиял образ жизни джентльмена (средний путь между праздностью, корыстолюбием и убогостью) и убеждение: достоинства англичан (благородство, преданность, великодушие, скромность, прямота, честность) дарованы им самим Богом, а недостатки (любовь к роскоши, пьянство, обжорство, расколы, склонность к духовным ересям) пришли из-за границы⁸. Отсюда вытекало: английский империализм *лучшее всех* – если перейти на донской диалект. Ведь только в английском империализме

⁸ Надо учитывать общие пункты католицизма и протестантизма: тот и другой искореняли народные толкования библейских сюжетов в пользу религии и нации, тогда как согласно славянским представлениям генезис народов и этносов есть дело в равной степени бога и черта. С точки зрения фольклорной этиологии появление «своего» этноса, отделяющегося от всех «чужих», может относиться к временам Адама и Евы. Например, согласно болгарской версии, болгары – прямые и непосредственные потомки первых людей, подобно обезьянам («маймунское поколение»), которых Бог сотворил после скота и зверей. Турки – это потомки женщины и собаки. «Чужие» этносы – это результат нарушения моральных норм среди «своих»; соответственно, они изначально грешные, а все их обычаи (включая религиозные) считаются несправедливыми и греховными. Согласно другой версии, Бог сотворил сразу все народы – турок, татар, немцев, русских, не было только среди них «москаля», сотворить которого попросил у Бога Св. Петр: «Колы вжэ е вси народы, сотворы шэ и москаля». Бог велел Петру поднять камешек, из-под которого тотчас выскочил «москаль», схватил Петра за бороду и стал требовать у него «пашпорт», угрожая при этом полицией. Петру пришлось дать «москалю» на горилку, чтобы тот отцепился. «От з той поры и

(а не на Дону) есть дух ученого интереса и рвение цивилизатора к предмету порабощения...

Такие установки в международной деятельности называются *философским империализмом*: «С самого начала своего существования Общество открыто поставило себе целью сделаться центром новой мировой информационной империи, в которой все коммуникационные линии сходились в столице» (с. 107). По сути дела то было громадное *колониционное предприятие*. С ним могла соперничать только антиимперия иезуитов, раскинувшая сети от Атлантики до Китая. Но Общество даже иезуитов включило в обмен научной информацией и обсуждение открытий. Эта самооценка была самообманом, но отражала английский менталитет. Служила мощной психологической поддержкой в годы ироничного отношения власти и публики к науке.

Все эти процессы развивались при равнодушии власти к ученым. Они оказались перед угрозой нищеты. И вступили в добровольную связь с Артиллерийским приказом. Тот культивировал идеологию подвижников секретной конторы. Она не вникала в идеологические опасности изучения Природы, а реабилитировала дьявольскую математику и механику для военных целей. Так что под видом независимости ученые начали обслуживать власть: «Когда у власти появляется потребность обновить и расширить свои арсеналы, чтобы нести *бремя белых* и бесперебойно снабжать заморских *варваров* дарами демократии и цивилизации, забывают не только о реальных и мнимых идеологических опасностях натурфилософского и всякого иного дискурса, но даже о том, что «туземцы начинаются в Кале» (с. 108).

Сделаю передышку и выскажу первый блок попутных соображений. Мягкие приговоры английских судов в процессах *войны с ведьмами* объясняются не только спецификой английского права. Эта война в эпоху Ньютона (который, кстати, одобрял институт аутодафе) не была только

москали чипляются до таких людэй, шо вони пашпортив не мають. А до того часу ниhto и нэ знав, що то пашпорт! Де хто хтив, там ишов, и никого нэ пытався, чы можна дэ иты» (с. 68). Согласно третьей версии, ответственным за разнообразие этнической картины мира является черт. Он решил сотворить кого-нибудь, подобного себе. Накидал в котел смолы, всякого «зилля» и стал варить. Первым выварил «мужика» (хохла-украинца). Решив, что «недоварил», через некоторое время выловил из котла «ляха». Опять недоварил! Следующим оказался «немец», потом «татарин». Черт решил, что еще чуть-чуть, и выйдет у него некто, во всем ему подобный. Но недосмотрел и переварил — вышел «жид», «хитрейший и розумнейший», который может обмануть самого черта». Русские называли украинцев «чертовыми головами», и прозвище это объясняется так. Ходили однажды Господь и Св. Петр по земле и слышали в камышах страшный шум — там дрались черт с «хохлом». Св. Петр «помирил» дерущихся, оторвав им головы. Когда Господь пристыдил его за столь жестокие меры, Петр приставил головы обратно, но перепутал их: у «хохла» оказалась чертова голова. Аналогично объясняется причины братства жиды с чертом: апостолы Петр и Павел ходили по земле, встретили черта и еврея, оторвали им головы и бросили в ров. Иисус Христос рассердился, что апостолы самовольно лишают кого-либо жизни, и велел исправить положение. Апостолы перепутали головы, и с тех пор «у жиды чортяча голова, а в чорта — жывивська — то вони соби братья». См.: «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. Сост. и коммент. О.В. Белова. — И., Индрик, 2004. — С. 67-69.

следствием культурно-религиозной инерции. Она приняла новые формы, направленные против женщин, и была следствием массовой истерии, вызванной эпидемией сифилиса, широко велась во Франции, Германии и Англии, почти не затронув Испанию, наука которой находилась в то время в состоянии упадка⁹. Как истолковать этот факт в рамках авторской концепции? По крайней мере, связь *common law* и возникающей науки требует учета влияния медицины на этот процесс. Ведь юридическое (не религиозное и не политическое) регулирование медицины было и остается до сих пор острой проблемой.

Кроме того, английская ментальность может рассматриваться не только в контексте известных характеристик В. Овчинникова, используемых в книге. В Англии XVII в. складывалась не просто островная психология, но и *религиозные корни сепаратизма*. Христианство на протяжении своей истории раскололось на католицизм, православие и протестантизм¹⁰. Главный признак западного христианства — доктринальные расхождения с официальной церковью. Идея полного отделения церкви от государства первоначально высказана в донатизме, а сепаратизм начал складываться среди английских пуритан. Они отвергали любое соглашение с Ватиканом и предлагали создать протестантскую церковь. Но в Англии и на европейском континенте для этого не было условий. Поэтому пионеры современного сепаратизма (*отцы-пилигримы США*) отправились в Северную Америку и занялись практическим воплощением радикальных для своего времени идей: поскольку обратить других в свою (истинную) веру крайне трудно, никакая официальная религия не нужна; единственный способ мирного сосуществования людей — полная свобода вероисповедания; отношения конфессий регулируются словесным договором, который выше писаного закона; женщины имеют полную свободу, включая свободу отрицания любой церкви; метрополия не является хозяином колонизируемой территории; колонисты обязаны покупать землю у аборигенов-индейцев и относиться к ним по принципу равенства; всякая колониальная война — зло. Эти идеи стали основой самоуправления английских колоний и подготовили полное отделение США от метрополии¹¹.

Не следует ли отсюда, что так называемая английская ментальность была следствием реализации определенных принципов церковной политики? Какое место занимала наука (*science&humanities*) в обосновании сепаратизма? Не были ли национальные АН попутным феноменом этой тенденции?

⁹ См.: Andreski S. Syphilis, Puritanism and Witch-Hunts. Historical Explanations in the Light of Medicine and Psychoanalysis with a Forecast about Aids. London, 1989.

¹⁰ За 2000 лет существования возникло 66 общехристианских (включая 45 толков), 9 католических, 27 протестантских (33 толка), 2 старообрядческих (62 толка) и 30 никонианских (90 толков) сект и ересей. Все они противостояли официальным церквям и претендовали на особый статус. См.: Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I-XXI веков. М: Intrada, 2003.

¹¹ См.: Азимов А. Освоение Северной Америки. — М.: БСГ-Пресс, 2003. — С. 135-148.

Франция: техно-якобинцы. История французской науки позволяет уточнить поставленные вопросы. Первая Французская академия возникла в 1635 г. по инициативе ярого христианина А.Ж. Ришелье. Король предписал решать вопросы религии с разрешения церкви, а вопросы политики и морали излагать так, как требует власть и законы. Французские академии создавались сверху. Ибо никто не дал ни копейки на науку. Даже ради развития промышленности, флота, освоения колоний. Поэтому члены академий были людьми обеспеченными или служили при дворе. Главное свойство развития науки во Франции XVII–XIX вв. — влияние власти на науку и образование. Французская революция усилила эту тенденцию.

На мой взгляд, И.С. Дмитриев сделал значительный вклад в социологию революций. П. Сорокин, его продолжатели и оппоненты не очень интересуются поведением ученых во время революции. Тогда как петербургский коллега описывает ряд нетривиальных сюжетов.

Например, *сумма биографий* всех ученых французов в период революции сводится к трем способам поведения: 1. Активное сотрудничество с новой властью. Физики, техники, химики, математики растолкали всех в толпе охотников на политические и административные посты. Непосредственно участвовали в терроре. Пресмыкались перед властью¹². Отличались политическим хамелеонством. 2. Стремление спрятаться от власти — убежать в деревню или забиться еще в какой-нибудь угол. Но по мере укрепления якобинской диктатуры самодостаточный созерцатель становился подозрительным сверху и снизу. 3. Служить отечеству, а не власти. Так вел себя А. Лавуазье. Но опыт такого *служения* привел его к систематической критике всех действий как старой, так и новой власти. Он отказался участвовать в политических играх — и заплатил головой.

Драма в том, что все указанные модели обслуживали военные цели революции. И только стимулировали генезис основных мотивов *контрнаучной риторики*: при государственном финансировании наука превращается в сообщество корыстных людей с групповыми интересами; наука — это отчужденное знание¹³; агрессивный антиклерикализм и сциентистское просветительство энциклопедистов; отождествление ученых с «аристократией духа», занятой бесполезными интеллектуальными играми. Все эти мотивы — следствие официального статуса науки в государстве. Французская академия была монопольным экспертом, контролером, судьей в вопросах науки, техники, промышленности, торговли и финансов. Против этого резко выступили ремесленники и изобретатели, которые несколько не отличались от ученых злобных побирушек. И тоже хотели урвать и выхватить копейку у правительства. В ответ на эту очередь по-американски Талейран 13 октября 1790 г. выдвинул принципы: система образования

¹² Именно химику А.Фуркруа принадлежит идея надзора за политической лояльностью ученых.

¹³ Согласно Руссо, истина не есть собственность интеллектуальной элиты; простые люди ближе к природе и лучше ее понимают; эрудиция вредит поиску истины.

финансируется и контролируется государством; наука – элемент высшего образования; образование копирует иерархическую организацию государства; цель образования – воспитание патриотизма и гражданских добродетелей. Эти принципы были направлены против ученой корпорации. Вначале Министерство внутренних дел обязали надзирать за учеными, а затем (8 августа 1793 г.) упразднили все академии.

Однако *мобилизация ученых* для нужд новой власти породила систему патронажных связей по критерию политической благонадежности: одни политики и ученые ручались за других. Поэтому после Термидора они воздерживались от дебатов на тему: кто и как себя вел во время революции? Фактически все прямо или косвенно отвечают за гибель других ученых. Такова суть академической трагедии.

После закрытия академий началось создание «нормальной» *бюрократической науки*. Учредили структуру со следующими функциями: экспертно-консультационная возлагалась на особый правительственный орган; научно-исследовательская выполнялась добровольными обществами; образовательная возлагалась на ученых. Такая организация превращала ученых в бюрократов. Любое несогласие с режимом квалифицировалось как политическая нелояльность. Революция инициировала следующие тенденции французского образования: деидеологизация; повышение роли фундаментальных дисциплин; переплетение утилитаризма с эгалитаризмом. Это сформировало ученого нового типа – широкообразованного специалиста, а не натурфилософа.

После термидорианского переворота создан Institut de France – копия бывшей академии. Ученые холуи Наполеона были убеждены: процветание страны невозможно без подчинения науки государству и обосновывали марьяж интеллектуалов и политиков. Так появился тип *техно-якобинца* – солдата партии с научно-техническими познаниями. Фактически этот сброд (в смысле – сборище случайных людей) образовал замкнутый круг лиц, связанных отношениями патронажа и родства. Сам факт привлечения ученых для выполнения правительственных задач существовал при старом режиме. Но раньше ученые не имели *властишки*. Революция открыла им дорогу в мир политики. Многие заняли государственные посты. Это повышало их социально-политический статус, но одновременно ставило проблемы политического выбора и ответственности.

Техно-якобинцы во время революции подписывали смертные приговоры коллегам и участвовали в ликвидации академий. А после Термидора начали скулить: мы, люди науки, рядовые солдаты партии; находясь у власти (т.е. у государственного корыта), выполняли гражданский долг; поэтому не отвечаем за ошибки и преступления главарей. А бывшие главари бубнили: мы выполняли волю народа и его лучших представителей – людей науки; поэтому ни в чем не виноваты. Эта схема мысли и поведения популярна до сих пор. Порочный круг единства народа и главарей пока не удалось разорвать. И сами ученые его реализуют и аргументируют.

Многие ученые при терроре занимали руководящие посты. А после реставрации изображались как герои, которые действовали в интересах страны вопреки желаниям главарей преступного режима. Карно выдвинул идею: Революционный Конвент выражал волю народа; народ может ошибаться, но не может быть виновным; каждая политическая мера законна, если ее требует безопасность государства. На основе критерия *госбезопасности* выдвигался тезис о политической нейтральности науки и техники, включая подписание смертных приговоров: «Будучи человеком системы, ученый и инженер, попавший во власть, становится частью государственной машины и подчиняется *raison d'état*» (с. 219).

Так возник миф о расколе якобинского Комитета общественного спасения на патриотов (ученых и инженеров) и деспотов-политиканов. Эта сказка оправдывает сотрудничество ученых с властью и лежит в основе авторитарной научно-технической политики. Она включает следующие элементы: идеал науки как деполитизированной профессиональной деятельности по получению нового знания; выбор элитарно-иерархической (а не демократической) модели образования; переплетение структуры образования с социальной стратификацией; милитаризация образования — обслуживание военно-технических потребностей государства; монополия привилегированных вузов на подготовку гражданской и военной бюрократии; введение экзаменов — мнимо-объективных критериев приема в вузы; превращение поступления в вузы в частное дело. Самое негативное свойство такой системы — тройная (социальная, профессиональная и образовательная) иерархия. В итоге социальное положение индивида не определяется его способностями и заслугами. Эта система затрудняет движение по социальной лестнице, культивирует бездарность на всех иерархиях и уровнях и тоже существует до сих пор.

Французская ученость отличается следующими свойствами: тесная связь с властью; выплата жалованья за научную работу — разновидность асимметричного общественного договора¹⁴; приукрашивание властных подачек ученым; выбор диктатора в ученые (Наполеон стал членом Института по секции механики) для одобрения его колонизационных заслуг¹⁵; культивирование суррогатов науки с целью доказать полезность и незаменимость главной научной конторы; разгон моральных и политических наук и презрительная квалификация их представителей как идеологов. После такой реорганизации уже в 1809 г. пришлось отменять

¹⁴ После революции ученым платили столько, сколько при короле, затем сохранили это жалованье для академической бюрократии, остальным понизили — на фоне трескотни о заботе правительства об ученых.

¹⁵ Во время Итальянской кампании 1796 г. он привлек ученых в качестве обозной сволочи в трофейную команду, которая занималась сбором на завоеванных территориях ценных научных и художественных предметов для вывоза в Париж — культурную столицу мира; в Египетскую кампанию тоже отправился с учеными коллегами, которые должны были создать Институт Египта для реализации цивилизаторской миссии...

ученые заседания, поскольку обсуждать было нечего. Началась бесконечная *активизация сверху* научной деятельности.

Вынужденно опустим ряд интересных, острых и актуальных политических проблем, поставленных коллегами на материале истории французской науки и научной политики. Думаю, эта работа может рассматриваться как образец реализации главного принципа современной *истории идей*: любая идея не исчезает никогда, а существует в разнообразных комбинациях, сочетаниях, организационных структурах, моделях поведения, схемах принятия решений и т.п.¹⁶ В этой связи выскажу краткие замечания: И.С. Дмитриев при анализе британской науки успешно использует идею ростовского философа М.К. Петрова о натурфилософии как «тренажере научной дисциплинарности». Но почему-то при описании французской науки не ссылается на труды М.К. Петрова, в которых французская модель научной политики репрезентирована как современный феномен во всех ее составных частях (переплетение социальной, профессиональной и образовательной стратификации, монолотизм и т.д.¹⁷). Не помешало бы также использовать классическую работу А. Хиршмана «Страсти и интересы: интеллектуальные истоки капитализма», в которой показано: так называемые *государственные интересы* (современное понимание *raison d'état*) могут означать любое случайное содержание, маскирующее государственный произвол необходимостью и *теоретическим* статусом. То же самое относится к уточнению концепта общественного договора: он может означать передачу и отчуждение власти (традиция Т. Гоббса) и предоставление ее «взаимы» (традиция Дж. Локка). Из второго понимания общественного договора вытекает обоснование *jus resistendi* граждан, если власть не платит долги, т.е. не выполняет установленных законов¹⁸.

¹⁶ Сошлюсь только на недавно переведенные на русский язык работы И. Берлина – выдающегося современного политического философа, реализующего такой подход.

¹⁷ См.: Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М., 1992.

¹⁸ Например, Ю.Х. Копелевич детально описал историю и специфику научных объединений в Италии, Германии, Бельгии, Австрии и США. Европейские АН возникали как частные кружки, сохраняли свои первичные свойства (под видом королевских или национальных) и финансировались из разных источников (государственный бюджет, субсидии от промышленности, фондов, частные пожертвования). Такая система не обеспечивает стабильное финансирование, зато не ставит академии в зависимость от государственных финансов. В любом случае государственные АН считались *академиями ослов*, для противовеса которым сами ученые создавали антиакадемии (Италия). При образовании АН власть руководствовалась следующими мотивами: обогнать соседнюю страну, поощрять сплав национализма с просветительством, предоставлять преимущества чиновникам, а не ученым (Бавария), завербовать интеллектуальную элиту подчиненной страны (Бельгии), ввести конфессиональные ограничения для ученых, затянуть срок создания и учреждать академии для погашения народных волнений (Австрия), ввести обязательную лояльность правительству и выполнять его поручения (США), подчинить АН Министерству Внутренних Дел (Пруссия, Австрия). В свою очередь ученые Австрии и США использовали кризисы для укрепления социального статуса, налаживания институциональных и личных связей с правительством. Власть не поддерживала фундаментальную науку, щедро финансируя прикладную. Не следует ли из этого описания, что ученые были и остаются худшими гражданами, отказывающимися от *jus resistendi*?

Российская модель связи науки и государства в книге описана наиболее детально при анализе следующих тем: Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII в.; российская наука и университетское образование в первой половине XIX в.; наука и государство во второй половине XIX в.; российская наука и революционные кризисы начала XX в. В целом российская модель определяется двойным эпигонством: Пруссия создала ученое сообщество в подражание Англии и Франции¹⁹; Россия создала АН в подражание Пруссии. Впоследствии Фридрих II говорил: его дед создал Общество в подражание Лондону и Парижу; великий государь должен иметь Академию подобно тому, «как вновь испеченный дворянин убежден, что он должен иметь своих гончих собак» (с. 22). Во что же превратились европейские ученые псы в России?

Петербургская АН появилась по произволу Петра в стране, где не было науки и университетов. Поэтому наука в России создавалась из иностранцев. Сразу после создания АН Петр I умер. С самого начала Петербургская АН была учреждением бюрократического государства и зависела от непредсказуемой власти императриц и их фаворитов. В Европе не было академий, члены которых получали за это деньги. Соединения в одном учреждении академии и университета тоже не было. Чины за научные заслуги не присваивались, т.к. ученые не состояли на государственной службе. В России вступала в силу Табель о рангах. Эти явления — родовые черты российской науки и образования, которые обусловили большинство кризисов того и другого.

На протяжении XVIII в. АН испытала все прелести властно-бюрократических процессов. Ее проект был одобрен Сенатом, а Регламент длительное время оставался неподписанным. Ученые *наемники* получали хорошее жалованье на фоне бесконечных придворных интриг и кризиса руководства. Руководство АН стремилось заполучить протектора из числа фаворитов. Шли бесконечные ссоры в связи с назначениями. Сами же академики выкинули вон художества (технические искусства), чтобы не содержать их за счет бюджета АН.

В 1740-е гг. камарилья Елизаветы Петровны инициировала волну ксенофобии, провозгласив защиту национальных интересов. Наемные ученые побежали домой — в Европу²⁰. В 1746 г. первым русским президентом АН назначен 18-летний брат фаворита Елизаветы Петровны К.Г. Разумовский. После ознакомления с делами он вынес вердикт: главная забота профессоров — «стараться всегда о прибавке своего жалованья, получать разными происками ранги великие и ничего за то не делать под тем при-

¹⁹ Научное сообщество Пруссии учреждено по инициативе Г.В. Лейбница в 1700 г. и преобразовано в 1745 г. в Академию наук и словесности.

²⁰ Однако Е.В. Анисимов показал неправомерность обозначения этого периода как *засилия иностранцев*. На деле их процент невелик, они не были единой партией немцев. По приезде в Россию из стран Европы они боролись между собой за власть не менее остро, чем с русскими. Среди 10 000 дел, прошедших в 1730-1740-е гг. через Тайную канцелярию, нет дел, связанных с фактами недовольства засилием иностранцев (с. 136).

крытием, что науки не терпят принуждения, но любят свободу» (с. 138). Ценность свободы европейские наемники под шапкой русских ученых использовали для безделья.

Только в июле 1748 г. (спустя 23 года после создания АН) начался первый цикл университетских лекций. Первые студенты – сыновья попов, дьячков, дьяконов, мелких служащих, разночинцев. Императрица пообещала «привилегии при производстве в публичные достоинства» тем, кто проявит ревность в учении. Эта подмена – следствие российской трактовки образования как предпосылки жизненного успеха, а не познания тайн Природы.

Руководство АН способствовало развитию в научном сообществе России следующих свойств: засекречивание материалов географических экспедиций; развитие подозрительности, обвинение иностранных ученых в шпионаже; конфликт научных достижений с непрерывными кризисами руководства; преобразование канцелярии АН в руководящий орган; превращение шефа канцелярии в *теневого* президента; укрепление его личной власти (трата казенных средств на нужды семьи, обретение покровителей за счет раздаривания академических изданий, стимулирование раздоров между послушными и независимыми учеными). Но эти явления – следствие страха от того, что усиление русских ученых обернется против шефа академической канцелярии и его семьи, а не германской русофобии.

Екатерина II пыталась двинуть дело Петра I через просвещение. Но при назначении на должность главного ученого руководствовалась скотским фаворитизмом под прикрытием возвышенной любовной риторики²¹. В угоду царице европеец Л. Эйлер хотел ввести ученых туземцев в среду двора и высшей бюрократии, заставить их выполнять казенные поручения. Большинство директоров АН в XVIII в. (В.Г. Орлов, С.Г. Домашнев, П.П. Бакунин) не считались с научными заслугами академиков. В конце концов император Павел I присвоил себе функции президента АН.

В 1818 г. президентом АН назначен граф С.С. Уваров – будущий министр народного просвещения. Он отмечал следующие свойства АН: дух безначалия, неуважения к общему мнению, ненависти и приязни, недостаток единодушия; служба в нескольких местах во вред ученой деятельности; сокращение числа ученых наполовину за 93 года существова-

²¹ Например, И.А. Ильин сообщает, что в 1926-1938 гг. он проживал в пансионе Софии Петровны Дурново (урожд. Светлейшая Волконская), которая 30 лет была фрейлиной двора. В числе предков Софии Петровны значилась Мария Саввишна Перекусихина – придворная дама Екатерины II: «Несла при Екатерине обязанности «пробной дамы»: она выбирала любовников Екатерине и проверяла на себе и этих «кандидатов», и тех, на которых указывала ей Екатерина. Об успешной или неуспешной «пробе» она докладывала Екатерине, что и вело к соответствующим последствиям «допущения» или «недопущения» кандидата в альков Императрицы». И.А. Ильин: *pro et contra*. – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2004. – С. 112.

ния. В России развитие науки спровоцировано властью. Поэтому университеты готовили бюрократию. Со времен Петра I государство занималось контролем языка как важным направлением имперской идеологии. Николай I 12 июня 1841 г. издал указ, согласно которому АН (до 1927 г.) состояла из физико-математического, историко-филологического отделений и отделения русского языка и словесности. При Николае I академики (вслед за попами) пошли служить в Гидрографический, Азиатский департаменты, Департамент военных поселений, Морское министерство и другие военные ведомства.

Российская связь науки с образованием состояла в том, что последнее требовалось для продвижения по службе. Дворяне учились ради сохранения монополии на государственную службу и социальный престиж. С.С. Уваров пропагандировал идею гармонии самодержавия и просвещения как элемент славянофильства. С 1833 по 1848 г. почти вдвое возрос прием в университеты. Программа обучения переориентирована в более практическую и менее опасную сторону. Революционная интеллигенция пополнялась за счет студенчества, но университеты выпускали больше верноподданных государственных деятелей. Новый тип универсанта еще более усилил бюрократию.

В 1848 г. во Франции вспыхнула революция, в России – неурожай и эпидемия холеры. Реакцией на события был обскурантизм: введение нового цензурного устава, согласно которому ученые отстранялись от цензорской работы; обложение пошлиной иностранных книг; вмешательство жандармерии в образование под предлогом борьбы с революционными идеями; запрет на преподавание философии, европейского государственного права и древней истории; вменение попам в обязанность читать логику и психологию; лишение университетских советов выборных прав; прекращение публичных лекций и защит диссертаций; отмена университетской цензуры и свободного ввоза книг; запрет иностранцам занимать кафедры; ограничение учебы в университетах. Таковы итоги первой половины XIX в.

В книге на основе множества исторических данных обосновано принципиальное положение: до середины XIX в. русской науки как таковой не было; была плеяда выдающихся ученых. А во второй половине XIX в. идеи застревали в колесах бюрократической машины. Но власть взялась за реформу образования. 13 декабря 1850 г. принято «Циркулярное предложение относительно диссертаций на ученые степени», согласно которому диссертация и выводы из нее должны быть благонадежными, не допускать двоякого толкования и обсуждения начал, противных государственному устройству. Власть регламентировала учебную и научно-исследовательскую работу.

После поражения в Крымской войне власть спровоцировала интерес к науке для отвлечения молодежи от участия в беспорядках. Лекции

об успехах естествознания стали модой, собирали большие аудитории и были безвредными по причине удаленности от политики. Но если считать расходы на образование пропорционально числу населения, то в конце XIX в. Россия тратила на образование меньше всех (включая Болгарию и Сербию под турецким игом) и оставалась самой необразованной страной Европы²². Контрреформа высшего образования 1884 г. под началом министра народного просвещения И.Д. Делянова окончательно закрепила университеты. На университетских кафедрах он предпочитал бездарей.

Во второй половине XIX в. В.И. Вернадский так характеризовал отношения власти и науки: «Русские ученые совершали свою научную работу вопреки государственной организации» (с. 275). Это породило иллюзию: всемирно-историческая миссия принадлежит пролетариату мысли и воли, который несет знамя научного творчества вне официальной науки. Университеты стали правительственными, церковными, учебно-общественными и национальными *рассадниками готового знания*. Наука отделялась от учебного процесса. Профессура только читала лекции, и не обязана была заниматься наукой. Именно Московский университет выработал тип профессора в узком смысле слова — оратора-акына на кафедре, но не исследователя в лаборатории и за письменным столом. Утилитаризм превалировал над интересами фундаментальной науки. АН тоже не разрабатывала передовые научные идеи. Выдающиеся ученые (Д.И. Мечников, А.Г. Столетов, Н.А. Умов) трудились вне АН. Таковы следствия полного огосударствления науки.

Первые научные общества возникли стихийно в первой половине XIX в., а во второй половине века их развитие ускорило. Они отличались относительной финансовой независимостью и более гибкой организацией. Их уставы содержали положение о благонадежности, а в 1892 г. МВД дано право их контролировать. Научные общества, открытые во многих городах, способствовали развитию демократических форм организации науки²³, сыграли главную роль в связях российских ученых с иностранными коллегами. Но размер поддержки опять-таки зависел от умения руководителей найти общий язык с властью (приглашение членов царской семьи и чиновников в почетные члены и номинальные

²² В 2,25 раза меньше Франции, в 3 раза Пруссии, почти в 4 раза меньше Великобритании, в 10 раз меньше Цюрихского кантона в Швейцарии. В настоящее время Россия отстает от США в 10 раз по вкладу в мировую науку (3,7% и 37%), а в сфере социальных наук почти в 15 раз (3,41% и 49,93%); по показателю цитируемости Россия занимает 35 место в мире, отставая даже от маленьких стран (от Чехии и Польши в 2 раза, от Словакии на 0,2%). См.: Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. — 2000. — № 8. — С. 139-149.

²³ Все должности были выборными; руководство осуществлялось на общественных началах; главным источником доходов служили членские взносы, пожертвования, доходы от продажи изданий и мероприятий общества, субсидии правительства и местных властей

руководители). Тем самым даже демократическая организация транслировала связь науки с властью.

Особенно интересна глава, посвященная анализу взаимосвязи российской науки и революционных кризисов начала XX в. В начале XX в. наука в России развивалась экспоненциально (рост числа научных обществ, журналов, изданий и публикаций). Но на этом фоне формировался раскол центра и периферии: провинция вносила значительный вклад в развитие науки; Москва и Петербург вынашивали планы свержения правительства.

На рубеже столетий началось противостояние науки и власти. Государственная машина давила любую активность. Поэтому российские ученые все более ощущали себя членами международного научного сообщества, а не холуями государства. Они дистанцировались от официальной идеологии, церкви, цензуры, подчеркивали объективность и оригинальность своих исследований. Но обходили острые идеологические, политические и социальные проблемы, подчеркивая фактическую обоснованность выводов и независимость науки от социально-культурного контекста: «Возникал опасный разрыв между гражданским и профессиональным статусом членов ассоциаций и их положением «слуг правительства» в качестве профессоров вузов при политическом абсолютизме» (с. 293).

Политическое противостояние науки и власти выразилось в том, что апологеты *чистой науки* (А.Н. Бах, П.А. Кропоткин, Н.А. Морозов, А.И. Ульянов) бросали науку, втягивались в политику, становились революционерами. Большинство ученых полагало борьбу за политические свободы лучшим способом профессиональной самореализации. В январе 1905 г. почти 1500 ученых подписали «Записку о нуждах просвещения в России». В ней говорилось: власть проводит полицейскую политику, тормозит просвещение, ведет государство к упадку²⁴. Ученые считали себя ответственными за судьбы страны, но не играли реальной роли ни в общей политике государства, ни в политике в области науки и образования. Этот *разрыв* отразился в деятельности совершенно противоположных партий. Предыстория партии кадетов связана с Академическим союзом в Петербурге. Оплотами «Союза русского народа» были Киевский и Новороссийский университеты, профессура которых симпатизировала «Черной сотне».

Во время революции 1905 г. ученые пошли во власть. В.И. Вернадский, И.И. Боргман, Д.Д. Гримм, А.А. Мануйлов и др. включены в состав Государственного совета. Но вскоре убедились: его задача – блокировать демократические инициативы Государственной думы. Вернадский писал, что в Госсовете сидят нищие духом. Сотрудничество с властью оказалось бесполезным. Поэтому 20 февраля 1907 г. ученые сложили с себя звания

²⁴ Геолог Ф.Н. Чернышев отмечал: «В наших университетах с введением устава 1884 г. благодумствовали... бездарные и отставшие от науки профессора и в то же время изгоняются талантливейшие люди, вынужденные окончательно бросить профессорскую деятельность или читать лекции на чужбине». Там же, с. 297.

членов Госсвета. В. Вернадский призывал поддерживать науку ради пользы государства. Власть не реагировала на эту риторику и не давала ни рубля²⁵. Требовала от профессуры лояльности и надзора над студентами. Иллюзии ученых о реформах власти, науки и образования рухнули²⁶.

Но в Первой мировой войне шовинизм и верноподданность ученых вышли наружу. Большинство предлагало порвать все связи с германской наукой²⁷. Правда, ученые превратились в рьяных защитников Отечества по корыстным мотивам. Либеральная профессура надеялась, что «...в благодарность за поддержку правительство передаст под их контроль не только организацию научных исследований и образования, но и дипломатические отношения, пути сообщения, экономическое и правовое устройство тыла, снабжение армии, определение общестратегических целей войны и т.д.» (с. 322).

В конце 1916 г. либералы контролировали десятки общественных организаций и Всероссийский союз городов. Для мобилизации ресурсов создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). У ее истоков стояли В.И. Вернадский, Б.И. Голицын, Н.С. Курнаков, высокопоставленные чиновники, работники военных предприятий. Власть щедро финансировала эту контору, поскольку она занималась обеспечением фронта и тыла стратегическим сырьем. А гуманитарии доказывали *отечественный* характер войны и историческую необходимость разгрома *немецких варваров*.

Накануне свержения самодержавия высшая школа стала всесословной. В 1914-1917 гг. в 105 вузах России обучалось 127 000 студентов. Но по числу студентов на 10 000 населения она занимала последнее место среди ведущих стран Европы. К этому времени сложился социальный тип столичного студента: чувство национального унижения и оскорбления; активные антиправительственные действия; популярность социалистических идей. Высшая школа стала решать задачи войны на фоне политизации студенчества.

По мере военных поражений материально-финансовая база науки и высшего образования рушилась. Вновь зазвучали слова о неразрывности науки и демократии. В.И. Вернадский и др. выступали за создание сети НИИ, субсидируемых государством, но управляемых учеными. Одновременно война стимулировала утопии. Ученые связывали развитие науки и образования с заменой царского режима конституционной монархией. Думали, что после войны возникнет союз европейских стран на основе все-

²⁵ Так, Министерство народного просвещения в 1910 г. не удовлетворило просьбу АН о предоставлении 800-1000 руб. на проведение в Средней Азии исследований месторождений радиоактивных минералов.

²⁶ Одновременно шел рост негосударственной науки. 24 февраля 1909 г. по типу немецкого Общества кайзера Вильгельма в России открыто «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова». Оно субсидировало ученых, лаборатории, научные станции и пр.

²⁷ Лишь немногие (И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, В.М. Шимкевич) не поддались угару шовинизма, полагая, что такая акция повредит российской науке не меньше, чем немецкой.

общего разоружения и высоких этических норм. А экономическое и правовое устройство России будет базироваться на всестороннем использовании научного знания.

В феврале 1917 г. вузы стали базами вооруженного восстания. Академик А.А. Шахматов составил проект Союза научных учреждений, в котором ученые были должны: объединиться по функциональному признаку (гуманитарные, естественнонаучные, научно-прикладные исследования); образовать «Союз союзов» во главе с Комитетом; отвергнуть любой контроль государства над наукой и образованием; потребовать от Совета Министров государственного обеспечения науки; никому не подчиняться; самостоятельно определять деятельность на основе автономии каждого отдельного ученого и научного коллектива. Но программа осталась на бумаге.

Итак, под видом оппозиции русские ученые сотрудничали с властью в решении вопросов экономики и войны. А предлагаемые реформы не были осуществлены из-за непонимания власти, социально-политической неустойчивости, проигранной войны и революций.

Общие сценарии взаимодействия науки и власти. Генезис английской science позволяет согласиться с Ж.-П. Сартром: изложенная со всеми подробностями победа не отличается от поражения. Главные причины победы-поражения: переплетение натурфилософского и теологического дискурса; поиск идеологически безопасных доктрин для преодоления религиозно-политических раздоров; формирование в лоне европейской интеллектуальной революции, но развитие в формах, неадекватных ее сути; имперские амбиции²⁸; ксенофобия – враждебное отношение к другим культурам; плагиат у иностранцев. На этой основе Royal Society создало риторику служения общему благу – главную стратегию диалога с властью: «Стратегия была не нова, но эффективна: обещать властям очередное Эльдorado, будь то новые технологии, новое оружие или новые земли, а потом в качестве отчета о проделанной нечеловеческой работе преподнести изумленному патрону какую-нибудь «Историю рыб» или на худой конец «Математические начала натуральной философии» (с. 120).

Французская модель позволяет заключить: если наука зависит от власти, разгон академий – нормальное явление; ученые могут обходиться без политической свободы, но без личной и профессиональной свободы наука хиреет; военные потребности и национальные амбиции – самые мощные факторы развития науки; в ситуации кризиса единственный

²⁸«Два дела – расширение границ империи и развитие натурфилософии – не только шли рука об руку в королевском воображении, но и взаимно переплетались в реальности. Имперская практика пропитывалась духом натурфилософии, а натурфилософия функционировала в режиме имперских поползновений» (с. 118)

путь спасения – развитие научных исследований в вузах при усилении в них роли фундаментального естественнонаучного образования; серьезная угроза науке возникает при исчезновении в стране конкурентно-коммуникативной научной среды, с людскими, материальными и информационными ресурсами (с. 228–229).

Наконец, российская модель не имеет ничего общего с Royal Society и определяется первичными свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства; и должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами; наука есть знание под руководством и охраной власти; российская наука – копия прусской модели, в которой наука контролировалась властью, но переплелась с буржуазной идеологией Европы. На основе указанных свойств в России возник и развивался разрыв гражданского и профессионального статуса ученых – признание науки источником экономического и военного могущества усиливало подозрение к ней. Российская профессура вышла на передний край политической борьбы, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии (с. 335–344).

В целом общие и политические кризисы оборачиваются трагедией науки. При создании науки *снизу* трагедия приобретает следующий вид. Творцы Royal Society не виновны в идее независимости ученых от государства. Отсутствие финансирования они восприняли как угрозу нищеты и невыполнения великой задачи постижения природы. Верили, что добровольцы науки дополняют усилия профессионалов, и отвергали профессионализацию науки. Но ради денег пожертвовали независимостью. Сформулировали идею пересмотра всех книг для сбора всех сведений о всех природных явлениях. Эта идея базировалась на вере: контора обязана *проявлять инициативу*. На деле попытка сбора всей информации влекла угрозу гибели под грудой бесполезных сведений. Возникла проблема отбора и программ исследования. По причине громадности задач и отсутствия жалования пришлось принимать в Общество богатых дилетантов и любителей, что снижало его уровень. В настоящее время Royal Society (вместе с гуманитарной Британской Академией, созданной в 1902 г.) распределяет государственные гранты на исследования.

При создании науки *сверху* (Франция, Германия, Россия) ситуация меняется. Французская революция выдвинула лозунг *Республике ученые не нужны*, ликвидировала АН как *гнездо контрреволюции*, бесполезное сборище *современных шарлатанов*. Эта мера оправдана, поскольку большинство научных открытий сделаны людьми, не состоявшими в академиях. В противовес ценностям истины и свободы революция сформулировала идеал утилитарно-конформистской науки, идеологически лояльной к режиму и ориентирующейся на утилизацию научных результатов в про-

мышленности. Преподавание поручалось тем, кто доказал способность к исследованиям. Такая социальная ориентация науки выражалась в лозунгах *прогресса и пользы*.

Итак, все модели определяются историей, условиями появления, типом руководства, структуры, состава, отношений науки с властью. В дальнейшем развитии национальные АН сохраняли врожденные свойства – общие характеристики отношения науки и власти: «Научное сообщество должно было адаптироваться к господствующим в верхах и обществе умонастроениям, оформляя свои доктрины в приемлемой для них форме и доказывая свою практическую пользу. При этом мощнейшими факторами развития науки были военные потребности государства и национальные амбиции. Устойчивое развитие и процветание частным образом финансируемой науки всегда оказывалось нереальным, тем более в годы глобальных кризисов, переживаемых государством. Оптимальной оказывается такая организация науки, где государственная поддержка дополняется мощным финансированием со стороны банковско-промышленного капитала, заинтересованного в ускоренной разработке научно-технических проблем и быстром внедрении новых технологий в практику. В этих условиях ученым гарантирована свобода профессиональной деятельности, без которой как фундаментальная, так и прикладная наука приходит в упадок. Политическая же свобода далеко не столь важна, а активное участие ученых в политической жизни – скорее помеха, чем стимул для плодотворных научных исследований. Без денег никакая свобода не обеспечит науку материальными и людскими ресурсами» (с. 344).

Изменение ракурса. Подчеркну еще раз: даже беглое реферирование части труда дает возможность собрать урожай крайне актуальных и продуктивных идей и проблем для дискуссии: материальные и властные интересы индивидов есть козни дьявола; так называемые точные науки и математика базируются на религии и в наибольшей степени являются холуями власти; вся традиция Гоббса подлежит переоценке в контексте социальной истории науки; связь мировоззренческого согласия и социального порядка дискуссионна; связь ученых и политиков подозрительна по определению; центр научных и политических дискуссий и действий надо сместить к проблеме разрыва единства народа и главарей, науки и власти; государственные интересы (*reason d'état*) не позволяют адекватно описать отношение науки и власти; авторитарная научно-техническая политика и система образования нуждаются в пересмотре; выплата жалования ученым должна рассматриваться в контексте полемики между трактовкой и практическим воплощением общественного договора как передачи власти (традиция Гоббса) и как ее ссужения взаймы (традиция Локка) и права на сопротивление; традиционная квалификация пред-

ставителів суспільних наук як ідеологів (від Наполеона і Маркса до сучасності) вимагає перегляду; наукова служба державі – різноманітність військового наймництва; посилання вчених на свободу нерідко маскує бездарність і бездіяльність; наукова продуктивність провінції і політична активність центру виробляють зв'язок науки і влади; демократичне і націоналістичне крило політичної думки – продукт участі вчених у політиці; практичне значення науки є продуктом спільної (наукової і політичної) риторики і демагогії, оскільки не враховуються реальні проблеми соціальної історії науки.

Таким чином, сучасна наука є втілення колоніально-імперських, революційно-бюрократических (техно-якобінських) і самодержавно-бюрократических інтересів і амбіцій влади і вчених. Звідси випливають запитання: вільні чи вчені, якщо вони до сих пор використовують вказані моделі або їх комбінацію у своїй поведінці? Як взаємодіяли вказані моделі у соціальної історії науки ХХ в. і радянської науки зокрема? Ці теми потребують окремого обговорення.

Однак цехові суперечки не можуть завуалювати головного: автори створили видатний твір. Виокремлюю практичні пропозиції: опублікувати в петербурзьких і центральних журналах по різних галузях науки і ЗМІ огляди або рецензії книги; провести спеціальний науковий симпозіум для обговорення отриманих результатів; висунути твір на соискання Державної премії Росії або премії Російської Академії наук.

Віктор Макаренко. Наука і влада: контекст соціальної історії науки

Орієнтири соціальної історії науки зазнали змін у кінці ХХ століття. Сформувався мікроаналітична стратегія: розгляд її у соціально-культурному контексті на основі питання про те, як владні відносини пронизують науку і до яких наслідків це призводить? Відповідь на нього автор намагається дати крізь призму аналізу капітальної праці своїх петербурзьких колег: «Наука і кризи. Історико-сравнительные очерки. – СПб., 2003». У колективній монографії фактично закладено фундамент російської мікроаналітичної стратегії аналізу соціальної історії науки, що стає розділом історіографії та джерелознавства. Автор огляду звертає особливу увагу на те, що праця російських вчених – це розгляд генези національної академії наук та систем освіти у Європі та США.

Viktor Makarenko. Science and Power: Context of Social History of Science

Social history of science has changed its guiding lines at the end of XX-th century. It was formed a microanalytical strategy considered in its socio-cultural context basing on a question – how do power relations penetrate science and what kind of consequences can it bring? Author's answer to this question is based on the analysis of the St. Petersburg colleagues' works: «Science and Crisis. Historically-Comparative Essay. СПб., 2003». The foundations of Russian microanalytical strategy of analysis of social history of science that become a part of historiography and source study are presented in this collective monograph. The author emphasizes that this work of Russian scientists shows genesis of National Academy of Science and educational systems in Europe and USA.